

Когда я читаю стихотворения Ивана Переверзина, то всякий раз поражаюсь, насколько же органично слиты в них форма и содержание: эта слиянность не позволяет определить, что же в них первично — форма или содержание. А может, две эти художественные ипостаси рождаются одновременно, ведь Иван Переверзин был поэтом уже в утробе матери, как это было в XIX веке с Михаилом Лермонтовым, о чём писала Марина Цветаева; в XX веке — с Сергеем Есениным, а в столетии нынешнем — с Иваном Переверзиным.

Три века — три поэта.

О том, что Иван Переверзин, если применить к нему определение Марины Цветаевой, — изначально поэт, свидетельствует тот факт, что, ежели сравнить его самые первые стихи с произведениями последних лет, то, не зная времени их написания, даже не сможешь определить, какое написано в ранней юности, а какое — вчера или сегодня.

Приведу для примера два стихотворения Ивана Переверзина, между которыми пролегло расстояние в несколько десятилетий:

Пушистый, серый небосвод,
косые пепельные тучи,
изрубленный морозный лёд,
и снег шершавый и колючий.
И на просторах — лаек лай,
остервенелый, чтоб согреться.
И это всё — тот древний край,
таящийся в пещере сердца.

И второе:

То ливень, то пожар, то темень —
жизнь будто с колеи сошла.
Вот только и похлеще время
порой знавал я в море зла.

И слёзы лил, и чёрту верил...
Но каждый раз с огнём в груди
стучал с надеждой в Божьи двери
и тотчас слышал: «Проходи!..»

Да, подчеркну ещё раз, между этими стихотворениями пролегли десятилетия, но, не поставь под ними даты создания, нельзя было бы определить, какое написано в самом начале творческого пути поэта, а какое уже в наши дни.

Читаешь эти стихи и видишь, что поэт использует в них весь арсенал образных средств русского стиха: здесь яркие и точные эпитеты: «серый», «остервенелый», и градация-единоначалие, и идущие по всему стихотворению аллитерации сначала звуком «л», а затем «р», который идёт по всей строфике и как бы несёт на своём резком-твёрдом звуке суровость того древнего края, который воспитал в поэте сыновью любовь к земле Якутской и наделил его мужеством, без чего, находясь в буре московской жизни, ему просто не удалось бы выжить.

Нет, невозможно определить даты их написания, с ходу постигаешь только одно — их художественное совершенство. Безукоризненную слиянность двух ипостасей — формы и содержания. И уникальную способность применять — подчеркну тоже — в меру применять образные средства, коя Ивану Переверзину была тоже дана изначально.

Павел Антокольский говорил, что «поэт в конце стихотворенья / гнёт, как попало, время огибая», — тогда как Иван Переверзин погружается в самое Время. Точно он обладает универсальной возможностью войти во Врата Времени и, пройдя их, стать молодым, если не телом, то душой уж точно. А молодость души — основное неубываемое условие для молодости стиха, для его неувядающего полёта под небом Жизни, вырывающегося из-под неба вечно юной души поэта.

Непрерываемый полёт! Полёт над Временем и Пространством!

Его высота снижается только над малой родиной — Якутией, — чтобы страждущий стих мог дышать, как сам поэт, великим дыханием трав, шумящих на берегах кра-савицы Лены...

Этот древний отчий край вместился всем своим бесконечным простором в первом из приведённых выше стихотворений, в коем поражает нас метафора «пещера

сердца». Сколько определений за столетия ни давали поэты сердцу! Нескончаемое множество. Но никто в мировой поэзии до Ивана Переверзина — от Гомера, Данте, Пушкина, Лермонтова, Блока и Леонида Мартынова — не дал сердцу подобного определения.

Пещера сердца! Она имеет синоним — «убежище сердца». Ибо в этом духовном убежище и хранится — всегда хранится! — вечный, бесконечный якутский простор с её сыновьями, — посему и родились, вырвавшись из души поэта, эти великие строки:

Не тревожась совсем о погоде,
но храня вечной жизни красу,
продолжаю писать что-то вроде
о туманах осенних в лесу.

И встают перед взором картины,
от которых на сердце светло:
гроздь алые тихой рябины,
шапки груздей, налитых зело.

Я родился весной на аласе
в окруженьи духмяных берёз,
потому в каждом солнечном часе
я любовь к ним крылато принёс.

И судьбою замешан я круто
на морозе с пургой ледающей,
стал для русских навроде якута,
чем горжусь откровенно душой.

По шоссе многоликой лавиной,
словно кони в напряге рабочем,
прямо к центру катились машины —
вдоль залитых бетоном обочин.

Злое солнце всходило выше,
распалось надрывно и жадно, —
от жары прогибались крыши,
и асфальт накалялся смрадно.

И настало то горькое время,
что подобно навек круговерти...
Будто жизнь обратилась в лемех,
рвущий душу мою и сердце.

Кто-то спас себя в водоёме,
кто-то в сыро-тенистой роще.
Слава Богу, никто не помер, —
может, смерть оттого и ропщет...

Эти стихи Ивана Переверзина настолько безупречны, совершенны по форме, что доступно только великим мастерам поэтического искусства. Ну что, скажем, особенного в рифме? Ан нет, рифма поэта — женская, идущая по всему стихотворению, несёт на себе смысловую нагрузку, и эта рифма-смысл помогла ему глубже проникнуть в содержание, а трёхсложный амфибрахий словно вбивает гвозди в строку, которая переполнена аллитерацией и — под конец стихотворения — градацией, акцентируя наше читательское внимание, и «ропот смерти», ставший лице-

божественным светом вечности, чрез день настоящий уходит в будущее, что становится предсказуемым для двух любящих сердец.

И эта полная предсказуемость, без которой весьма трудно продолжить «мгновения быстротекущей жизни», выплёскивается из бессонно-страстной души поэта новыми пронзительными стихами:

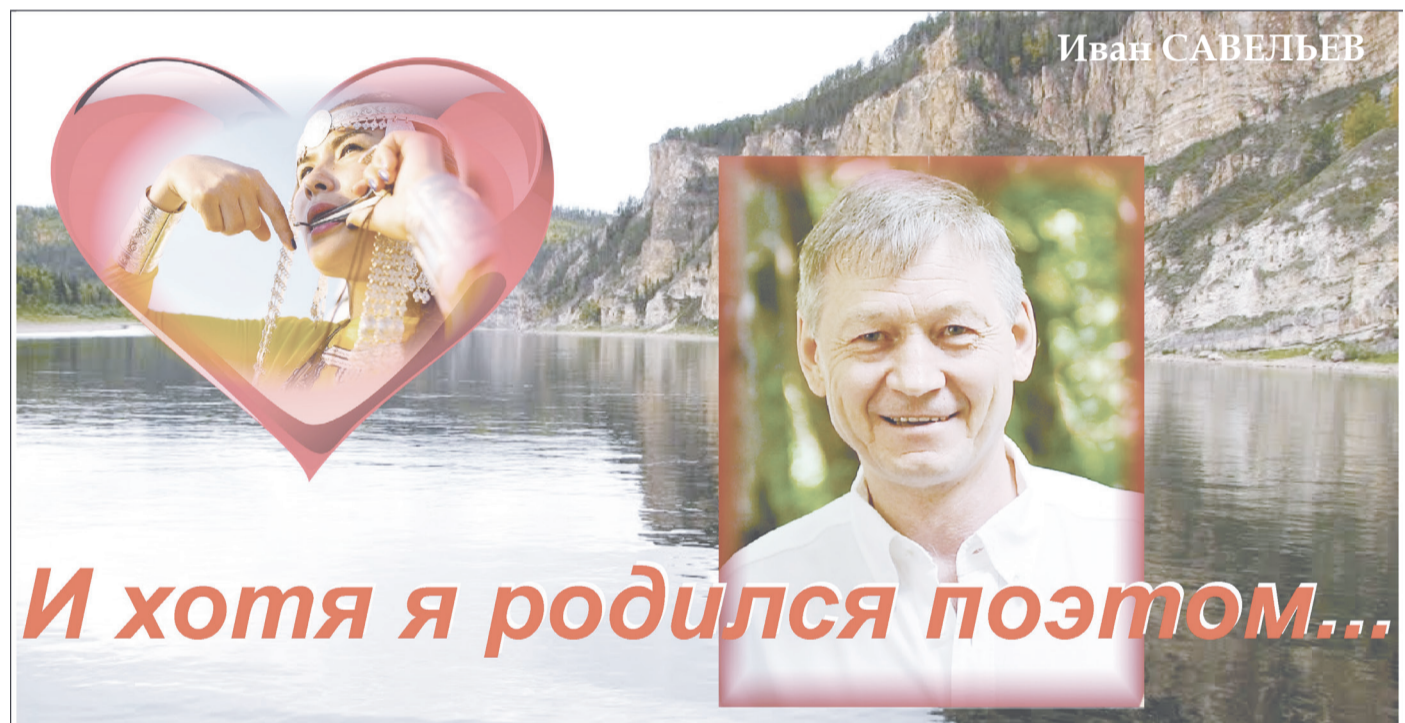
А день настанет в самом деле
такой, что только песни петь.
Как будто сердцу на пределе
лишь молодеть и молодеть.

День этот встречу спозаранку,
пускай от бед своих смурной,
но словно после гулкой пьянки
с разгульной, шалою братвой.

Но в небе синевую вешней
Задышит сердце во всю грудь, —
чтоб я на сотни лет, не меньше,
вперёд провидел вечный путь!

И станет прошлому не страшно
за жизнь, скорбящую вдову...
Как будто распахнётся пашня
ячменным цветом в синеву...

И поэт видит этот вечный путь, ведь он освещён неистребимым «вечности гулом», и гулу этому идти и идти по судьбоносным строкам пронзительной глубины. Потому — изо дня в день, из

И не зря Манчары мне так дорог, —
это он в мою душу вдохнул
столько силы, такого простора,
что от них слышен вечности гул...

И хотя я родился поэтом,
но под снега замёрзшего хруст
и в лучах заполярного света —
всё звучнее мой верный хомус.

От этого верного хомуса и исходит небывающий «вечности гул», которому дано лететь, как первый весенний гром по синему-синему небу, дышащему светом души поэта — весёлого и одновременно грустного, как это и бывает в жизни — неумолкающего стиха...

Этот «вечности гул» одухотворяет Память, которая, как утверждает поэт, есть само остановленное Время, и Иван Переверзин его останавливает, чтобы, как говорил Михаил Пришвин, «запечатлеть мгновения быстротекущей жизни», что и произошло в его восхитительных строках:

Меж упругих ветвей краснотала
хищной птицей носился ветер, —
но листва лишь шуршала вяло,
будто плакала горько о лете.

А с утра в поднебесной сини,
над домами кирпичной кладки
стригли воздух белый, как иней,
воробы, белогрудки, касатки.

творением, ставит твёрдую точку формы и содержания, неразрывную слиянность их ипостасей.

Необычные ритмические переходы дают возможность Ивану Переверзину указать, с одной стороны, его художественные возможности. А с другой — новой формой глубоко раскрыть, может быть, самое главное, чем живёт человек, — святое чувство любви, что «сильнее смерти самой»:

Выспался!.. И слава Богу,
слава жизни, пусть она
шлёт безудержно тревогу
За любовь, что так
красна!

И сегодня я лишь с нею
день наполнил страстью той,
от которой жизнью всю
стал сильнее
смерти злой.

И она без слов, паскуда,
подалась угрюмо вспять.
Рядом жертва. Но куда
ну никак
её не взять...

Вечности гул, облучённый животворящим светом пещеры сердца, проходит своим спасительным лучом по высокому чувству любви, свет которой, усиленный этим

недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год — жизнь будет вечно лететь в будущее, как в этом превосходном стихотворении:

Жизнь летит на неведомых крыльях —
с каждым годом быстрее и быстрее!
Но исполнен я звёздных усилий,
чтоб во всём соответствовать ей.

И бросаю я взгляд из бывшего —
в день грядущий с надеждой в глазах,
чтоб однажды найдённое слово
не растаяло льдинкой в веках.

Но не надобно ждать вдохновенья,
в ступе воду судьбы не толочь!
Ибо может в любое мгновенье
сердце рухнуть в могильную ночь.

И эти «невидимые крылья» принесут Ивана Переверзина к вершинному стихотворению нового поэтического цикла — к стихотворению «Народ». Но до этого ещё будут другие стихи, в которых появятся сомнения в своём таланте — никогда не сомневается в себе только посредственность, — а сомнения приводят к душевной муке, коя в свой черёд рождает страдание, а страдание — это страда пахаря и поэта. И поднимутся к небу спелые колосья ржи, и зазвонят одухотворённые вечности гулом звонкие созвучья вылетевших из души поэта очаровательных строк: